

А. В. БОНДАРКО, В. И. КОДУХОВ

О НОВОЙ МОДЕЛИ ОПИСАНИЯ ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Выход в свет «Грамматики современного русского литературного языка»¹ — важное событие в развитии теории и практики описательных грамматик. Создан большой и значительный труд. Авторы подчеркивают: «По своим задачам, характеру описания материала и по самому этому материалу „Грамматика современного русского литературного языка“ отличается от предшествующих описаний» (стр. 3). И далее: «Эта книга не может служить всеобъемлющим справочником. Она прежде всего отражает поиски „модели описания“» (там же). Стремясь дать «поисковые ответы на актуальные вопросы теории», «авторы нередко отвлекаются от системы, отраженной в школьных и вузовских программах» (стр. 4). Действительно, эта работа во многом отходит от традиций академических грамматик. Она имеет в значительной мере характер поиска, эксперимента. Перед нами теоретический труд, адресованный прежде всего ученым-грамматистам.

Не имея возможности подробно рассмотреть содержание всех разделов Грамматики, мы остановимся лишь на общей оценке предложенной «модели описания» и, несколько подробнее, на морфологии и синтаксисе². Излагая свою точку зрения на Грамматику в порядке дискуссии, мы хорошо сознаем относительность своих суждений.

Определяющую роль в теоретической основе книги играет распространенная в современной лингвистике идея инварианта и вариантов, связанная с принципом иерархии в грамматике. Эта идея находит выражение, в частности, в стремлении авторов наметить иерархию уровней грамматической абстракции, в различении абстрактных схем (образцов), их регулярных реализаций (манифестаций) и их употреблений. Представляется оправданной ориентация на принцип двусторонней сущности языка, принцип единства формы и грамматической семантики. Авторы решили подчинить функциональный аспект грамматического описания аспекту формальному. Такой подход — как один из возможных — имеет свои основания. Важным исходным принципом является стремление представить языковые факты в системе.

Итак, перед нами комплекс исходных принципов, отражающий весьма актуальные и влиятельные идеи того течения в современной структурной лингвистике, которое тесно связано с грамматической традицией (в частности, с фортунатовским направлением и некоторыми теориями Пражской школы). Этот комплекс представляется достаточно целостным, непротиворечивым и обладающим необходимой объяснительной потенцией.

В реализации исходных принципов авторам многое удалось. Можно спорить по поводу конкретного решения проблемы построения структур-

¹ «Грамматика современного русского литературного языка», М., изд-во «Наука», 1970, 768 стр.

² Морфологическая часть статьи написана А. В. Бондарко, синтаксическая — В. И. Кодуховым.

ных схем предложения, проблемы парадигматики простого предложения, значения предложения, но сама постановка этих проблем, поиски новых решений — факт важный и значительный. Убедительно изложение теории словообразовательной системы, словообразовательного значения. Важно то, что описание грамматического строя русского языка в рецензируемой книге дано в связи с освещением некоторых общих вопросов грамматической теории. Полезны многие результаты конкретного описания отдельных сторон грамматического строя русского языка, в частности, результаты описания словообразовательной системы, морфологической парадигматики, ударения и альтернатив в словоизменении, подчинительных связей слов, структуры простого предложения, порядка слов в простом предложении, структуры сложного предложения.

Итак, мы высоко оцениваем многие стороны этой работы. Вместе с тем следует подчеркнуть, что перед нами труд разнородный и противоречивый. В одних своих частях он отражает достижения достаточно широкого и целостного направления в науке, в других — результаты индивидуальных теоретических поисков, в третьих имеет характер описания, на наш взгляд, неполно и односторонне отражающего современное состояние грамматических исследований.

Актуальность проблем теории грамматики и типов грамматического описания, необходимость сопоставления принятых в грамматике решений с другими возможными трактовками фактов языка — все это заставляет нас обратить внимание в данной статье на вопросы, решение которых представляется недостаточно убедительным.

Понятие «современный литературный язык» есть понятие по преимуществу нормативное, однако понятие нормы находится вне тех вопросов, на которые стремится дать ответы рассматриваемая Грамматика. Кодифицированный литературный язык и разговорный язык (речь) здесь фактически не разграничиваются. В «Словообразовании» мы встречаемся с обилием таких просторечных и при этом малоупотребительных и индивидуальных образований, как *пускач*, *дрыгач* (стр. 51), *дрыгала* (стр. 56), *брезуха*, *завироха* (стр. 58), *гныкса*, *крикса* (стр. 63), *объедон*, *раздолбон* (стр. 74) и т. п. В разделе «Ударение» находим такой отрывок: «в словах *вѣтер* и *фиг* ударение переносится на предлог *на*: *на ветер* и *на вѣтер*; *на фиг*» (стр. 433). В «Синтаксисе» без всяких оговорок приводятся такие явно искусственные высказывания, как *Начинает становиться не о чем говорить* (стр. 569); *У нас будь тишина, а вам можно шуметь?* (стр. 579); *Охота будь удачна (-ая, ой) (...)* (стр. 585); *Будь бы ночь темна!* (стр. 580). Пристрастие авторов, с одной стороны, к искусственной речи, а с другой — к образцам речи более чем непринужденной создает такую общую доминанту языкового материала, которая часто иллюстрирует не столько нормы современного русского литературного языка, сколько нарушения этих норм.

В Грамматике не проводится сколько-нибудь последовательно стилистическая дифференциация языкового материала. Например, авторы пишут: «Разные формы и разные варианты одной и той же формы могут иметь разные стилистические характеристики: наряду со стилистически нейтральной формой существуют формы и варианты форм, свойственные экспрессивно окрашенной, разговорной или непринужденной речи, а в некоторых случаях — речи высокой или книжной. Таким образом, парадигма предложения объединяет стилистически разнородные формы и варианты форм» (стр. 577). После этого вводного замечания при описании парадигматики предложения никаких оговорок в данном отношении уже не делается.

В основу описания положены абстрактные инвариантные схемы; на

этой базе рассматриваются их регулярные реализации и их употребления (см. стр. 3). Фактически учитываются лишь те варианты, которые охватываются предлагаемой схемой. Факты иного рода нередко оказываются за пределами описания. Приведем лишь один пример. В Грамматике не получает освещения вопрос о семантических и стилистических различиях конструирующих форм в случаях типа *Он не читал этот текст/этого текста*, о нормативности (предпочтительности) формы род. или вин. падежа при отрицании. При описании значений падежных форм (стр. 326—331) этот вопрос не рассматривается, так как описание не предусматривает дифференциации объектного значения. Анализируя вариативное глагольное управление, авторы учитывают лишь те случаи, когда «...глагол может управлять двумя или более разными формами в одном и том же значении», например: *ждать кого-что-н. — кого-чего-н.* (стр. 496). При описании простого предложения данный вопрос также не затрагивается, поскольку учение о второстепенных членах предложения из схемы описания исключено (в число объектно-субъектных детерминантов данный случай, естественно, не входит). Наконец, в специальном параграфе «Отрицание в его отношении к структурной схеме предложения и к ее распространению» о случаях типа *не любить чтение / чтения* говорится лишь, что на этом уровне «действуют правила вызванного отрицанием чередования форм» (стр. 648). Таким образом, из поля зрения авторов выпадают факторы, непосредственно определяющие использование той или иной грамматической формы языка.

К сожалению, мы не находим в книге последовательности в реализации ряда принципов, провозглашенных авторами. Вот некоторые примеры. В предисловии говорится о том, что «грамматические категории должны рассматриваться как сложное единство формы и грамматической семантики...» (стр. 4). Этот важный принцип реализуется в «Словообразовании» и «Синтаксисе», но, как мы постараемся показать ниже, не находит должного отражения в «Морфологии». Цель книги, по словам авторов, заключается в стремлении «показать существующие в языке системные отношения и связи» (стр. 4). И с этой точки зрения в книге нет единства. Так, грамматические категории представлены изолированно, связи между ними не раскрыты. Кое-где в Грамматике используется понятие оппозиции, однако фактически оппозиционный анализ как элемент системного подхода к фактам языка представлен в книге весьма слабо, результаты исследовательской работы в данной области (в частности, применительно к грамматическим категориям) не были использованы в должной мере. Схемы простого предложения трактуются статично, дается их перечень, но не уделяется достаточного внимания связям между ними. Понятие синтаксической парадигмы используется при описании простого предложения, но вопрос о парадигме сложного предложения не ставится.

Переходим к характеристике отдельных частей книги. Она состоит из трех основных разделов: «Словообразование» (стр. 37—301), «Морфология» (стр. 302—424), «Синтаксис» (стр. 486—740). Кроме того, имеются две вводных главы — «Сведения по фонологии» (стр. 7—29) и «Введение в морфемiku» (стр. 30—36), — а также главы, посвященные ударению (стр. 425—462) и альтернамциям (стр. 463—485); приложен предметный указатель (стр. 741—754).

«Сведения по фонологии» (автор С. И. Дмитренко) по своему характеру не соответствуют общему теоретическому уровню описания. Этот раздел скорее напоминает учебное пособие, которое излагает одну из известных фонологических концепций. Совершенно не мотивировано отсутствие сведений об интонации, тем более, что в «Синтаксисе» говорится о том, что «каждая форма предложения имеет свое характерное интонационное оформление» (стр. 545).

Написанные В. А. Редькиным разделы «Ударение» и «Альтернации (чередование фонем)» представляют собой оригинальное специальное исследование. В данной статье на этих разделах, мы, к сожалению, остановиться не сможем.

Раздел «Словообразование» (авторы В. В. Лопатин и И. С. Улуханов) действительно отражает теоретические поиски и разнообразные исследования, выполненные советскими и зарубежными лингвистами. Хотя и в этом разделе можно обнаружить индивидуально-авторские точки зрения, авторы не порывают с традицией, а закономерно развивают ее. Словообразование рассматривается как особый раздел грамматики. Словообразовательная система русского языка понимается как совокупность словообразовательных типов. Словообразовательный тип определяется следующим образом: «Это формально-семантическая схема построения слов, абстрагированная от конкретных лексических единиц, характеризующихся общностью: а) формального показателя, отличающего мотивированные слова от их мотивирующих; б) части речи мотивирующих слов; в) семантического отношения мотивированного слова к мотивирующему (словообразовательное значение)» (стр. 39).

Описание словообразовательных типов (непродуктивные типы представлены полными списками слов) дается по частям речи, а внутри части речи по способам словообразования. Каждый способ словообразования той или иной части речи описывается по мотивирующей основе, словообразовательному значению и форманту. Хорошо показано отличие словообразовательных значений от значений грамматических и лексических. При описании словообразовательного материала последовательно проводится принцип семантической иерархии: общее словообразовательное значение — его конкретизация в отдельных типах — общие значения отдельных морфем — их частные значения. Словообразование представлено как сложная многоярусная система.

Раздел «Морфология» (автор В. А. Плотникова, кроме глав «Категория вида» и «Категория залога», написанных Н. С. Авиловой), помимо вступительных замечаний (стр. 302—303), состоит из трех частей: «Грамматические классы и разряды слов» (стр. 303—316), «Грамматические категории» (стр. 317—366) и «Парадигматика» (стр. 367—424). Такая структура «Морфологии» представляется вполне приемлемой (как одна из возможных), однако раздельное изложение учения о грамматических категориях и описания парадигматики требует повышенного внимания к связи семантической и формально-структурной сторон материала. Многих трудностей в этом отношении, однако, преодолеть не удалось.

Рассмотрим освещение в Грамматике вопроса о частях речи. Авторы выделяют десять частей речи: существительное, местоимение-существительное, прилагательное, числительное, наречие, глагол, предлог, союз, частицы, междометие. Здесь примечательно ограничение местоимения лишь местоимением-существительным, отсутствие категории состояния. В арсенале аргументов, накопленных учением о частях речи, есть заслуживающие внимания доводы и в пользу такого решения.

Новым является понятие синтаксического деривата (имеются в виду синтаксически сособившиеся значения). Синтаксическими дериватами признаются предикативы и модальные слова (стр. 304). Возможно, понятие синтаксического деривата при дальнейшей его разработке окажется перспективным, однако пока здесь далеко не все убеждает. Стремление авторов во всех случаях «разнести» синтаксические дериваты по отдельным частям речи приводит к явным противоречиям. Так, авторы пишут: «К именам прилагательным как части речи относится группа синтаксических дериватов — модальные (вводные) слова: *буквально, вероятно, действительно, нормально* и т. п., а также слово *главное*» (стр. 308). Но ка-

кими же признаками прилагательных характеризуются эти слова? Они не выражают признак предмета, не обладают грамматическими категориями, свойственными прилагательному, не имеют парадигмы, присущей данной части речи. Таким образом, эти слова расходятся с именами прилагательными не только по синтаксическому, но и по семантическому и морфологическому признакам. Почему же мы должны видеть здесь имя прилагательное, лишь с синтаксически обособившимся значением?

Помимо частей речи, в Грамматике выделяются грамматические разряды — морфологические и синтаксические. Это вполне закономерно. Вряд ли целесообразно, однако, называть одними и теми же терминами разные по объему и характеру группировки — части речи и морфологические разряды. Получается, что существительное — это, с одной стороны, часть речи, а с другой — морфологический разряд, включающий в себя три подразряда: 1) собственно имена существительные, 2) местоимения-существительные и 3) числительные (стр. 314), прилагательное — и часть речи, и морфологический разряд, охватывающий как собственно имена прилагательные, так и формы глагола — действительные и страдательные причастия настоящего и прошедшего времени (там же).

Далеко не всегда себя оправдывает принятый авторами принцип определений: данная часть речи обозначает то-то и выражает это значение в таких-то грамматических категориях. Такой подход оправдан лишь применительно к тем случаям, когда действительно налицо связь между значением данной части речи и значениями специфических, характерных для нее категорий (например, между значением действия и значениями-характеристиками действия — времени, наклонения, лица, вида, залога). Но авторы механически распространяют этот принцип на все случаи. В результате получается, что глагол — это часть речи, обозначающая процесс и выражающая это значение, в частности, и в грамматической категории числа и (в прошедшем времени) в лексико-грамматической категории рода (стр. 310), а имя числительное выражает значение количества предметов в грамматических категориях падежа (последовательно) и рода (последовательно) (стр. 308).

Не останавливаясь специально на трактовке отдельных частей речи, отметим лишь следующее. Непонятно, почему среди разрядов существительных (собственных и нарицательных, конкретных и отвлеченных, одушевленных и неодушевленных) не упомянуты разряды существительных вещественных и собирательных (стр. 305). Спорным представляется определение местоимения *он* (*она, оно, они*) в современном русском языке как указательного, а не как личного (стр. 305). При всех отличиях местоимения *он* от *я* и *ты*, это местоимение входит вместе с ними в одну подсистему, где является существенным признаком отношения к лицу.

Переходим к вопросу о грамматических категориях. Положительным в данной части «Морфологии» представляется внимание к членению грамматических категорий на словоизменительные и классификационные. Из отдельных грамматических категорий следует отметить в положительном смысле описание категории рода: здесь, пожалуй, в наибольшей степени удалось отразить результаты новых исследований.

Грамматические категории трактуются авторами лишь в плане содержания, лишь как значения, хотя и указывается, что эти значения формально выражены (см. стр. 302, 317—366). Ср. такие определения: «Категорию числа составляют номинативные грамматические значения единственного и множественного числа» (стр. 322); «Категорию падежа образуют 6 грамматических значений, или 6 падежей...» (стр. 326) и т. п. В одном из определений формальное выражение более тесно связывается с самим понятием грамматической категории: «Грамматическая категория пред-

ставлена совокупностью словоформ (парадигмой) и выражаемыми в них грамматическими значениями; она организуется минимум двумя грамматическими значениями, которые являются компонентами этой категории и связаны с ней иерархическими отношениями» (стр. 317). Однако и здесь характерная для грамматических (точнее морфологических) категорий формальная структура не раскрывается. На наш взгляд, речь должна идти не о совокупности словоформ (при определении понятия грамматической категории необходимо отвлечение от конкретных слов с их лексическим наполнением), а о системе противопоставленных друг другу рядов грамматических форм с однородным значением. Именно эти ряды, а не значения сами по себе, являются компонентами морфологической категории, причем важным принципом структурной организации таких категорий является то, что в них представлена не просто совокупность, а именно система, основанная на противопоставлении ее членов.

Речь идет не только об определении понятия грамматической категории, а о той общей концепции, которая обуславливает решение целого ряда более частных вопросов. Вот один из них: «Грамматические значения слов, — пишут авторы, — разделяются на *с л о в о и з м е н и т е л ь н ы е* или собственно грамматические и *к л а с с и ф и к а ц и о н н ы е* или лексико-грамматические» (стр. 302). Здесь налицо неправомерное, на наш взгляд, превращение принципа классификации категорий, неотделимого от их формально-структурной стороны (далее, на стр. 303, авторы обращаются к этой стороне), в принцип квалификации значений.

Разумеется, трактовка грамматических категорий как значений имеет право на существование, она довольно широко представлена в грамматической традиции и в современных исследованиях. Тем не менее отстаиваемая нами концепция (столь же широко распространенная) кажется более предпочтительной, так как она соответствует двусторонней природе языкового знака, общей идее единства плана содержания и плана выражения в языке. Включая в определение морфологической категории специфическую для нее структурную организацию, эта концепция позволяет более четко отличать такие категории от других группировок в морфологии, в частности от лексико-грамматических разрядов. Если бы концепция грамматической категории как единства формы и грамматической семантики, подчеркнутая в предисловии и реализованная в «Синтаксисе», была распространена и на морфологию, это способствовало бы большему теоретическому единству книги.

Остановимся на отдельных грамматических категориях.

В целом представляется оправданным подход к проблеме падежных значений на основе идеи полифункциональности падежных форм, рассматриваемых как носители сложного комплекса значений (речь идет о самой идее полифункциональности, но не о ее реализации в описании, которое оказалось, как будет показано ниже, малоинформативным). Оправдано и стремление выявить в падеже то, что принадлежит синтаксису. Конечно, необходимо учитывать, что по отношению к падежу план морфологической парадигматики ограничен вмешательством чисто синтаксических факторов, относящихся к структуре предложения. Однако полностью отсечь парадигматическую сторону падежа нельзя. Фактически отказ от рассмотрения падежей как членов парадигматической системы форм приводит к одностороннему и обедненному истолкованию категории падежа, которая в действительности является многосторонней, затрагивающей и морфологическую парадигматику, и синтагматику, и сферу синтаксиса предложения.

Значения падежных форм по существу остаются нераскрытыми. Из предлагаемого описания как беспредложных, так и предложных форм мы

узнаем лишь, что, скажем, род. падеж имеет 1) объектное, комплетивное и объектно-комплетивное значения, 2) значения собственно-характеризующие и обстоятельственно-характеризующие. Далее то же говорится о дат. и вин. падежах, у твор. падежа к этому набору добавляется субъектное значение, у предл. отсутствует объектно-комплетивное (стр. 329—331). Подобные определения создают впечатление, что значения разных падежей почти ничем не отличаются друг от друга. Как уже говорилось, значительная часть материала, связанного с категорией падежа, рассматривается в «Синтаксисе» (стр. 486—535). Поскольку, однако, содержание и план описания в этом разделе определяется не падежом, а типом и характером подчинительной связи, целостного описания категории падежа и здесь мы не находим.

Следует положительно оценить разграничение видов и способов действия и в то же время установление их взаимосвязи. Основные критические замечания по данному разделу сводятся к следующему. 1) Понятие видовой пары отождествляется с понятием видовой оппозиции (стр. 337). Между тем видовая оппозиция, видовое противопоставление в действительности выходит далеко за пределы видových пар, поскольку любое образование совершенного вида в системе языка противопоставлено любому образованию несовершенного вида; несоотносительные по виду глаголы охватываются видовой системой именно потому, что существует видовая оппозиция, противопоставление видов в системе языка. 2) Понятие «частные значения предела действия» (имеются в виду, например, значения начала действия, ограничения отрезка действия временными рамками, законченности действия, однократности, значения достижения результата с различными его оттенками) представлено так (стр. 337), что оно совпадает с рядом способов действия. В связи с этим значение совершенного вида, которое понимается как достижение действием своего предела (абстрактное значение предела), в какой-то мере смешивается со значениями способов действия. 3) Вопрос о трактовке вида в целом, безотносительно к различиям между перфективацией и имперфективацией, как категории классификационной (стр. 303) потребовал бы специальной дискуссии с детальной аргументацией. Здесь мы ограничимся замечанием о том, что это определение, на наш взгляд, не соответствует грамматически регулярному характеру видových пар в области имперфективации. Вообще различие между видовыми парами в области перфективации и видовыми парами, являющимися результатом имперфективации, в данном разделе не нашло достаточного отражения.

В разделе, посвященном залогам, привлекает внимание различение залога в узком смысле (собственно залога) и более широкого круга явлений, связанных с залогом. Вопрос о собственно залогам, под которым понимается противопоставление действительного и страдательного залогов, решен в духе довольно широко распространенной в последнее время теории залога, основанной на принципе бинарной привативной оппозиции. В этом дискуссионном вопросе о многом можно спорить, но явно допущена ошибка в самом определении залога, где говорится о том, что страдательный залог связан с признаком направленности действия на субъект (стр. 351). Такое определение возможно лишь в рамках той грамматической традиции, где термин «субъект» означает подлежащее, в русской же традиции обычным является разграничение подлежащего как грамматического понятия и субъекта как понятия логического. Поэтому в случаях типа *дом построен рабочими* действие направлено не на субъект, а на объект, которому соответствует подлежащее, субъект же представлен дополнением в твор. падеже. Правильно было бы говорить о направленности действия (при пассиве) на подлежащее или (точнее) на носителя глагольного признака.

Парадигматика в целом описана достаточно содержательно и вместе с тем сжато. Заслуживает внимания стремление определить основные теоретические понятия в данной области, в частности понятие парадигмы, дать классификацию парадигм.

Отметим некоторые положения, которые кажутся недостаточно убедительными. Представляется необоснованным применение понятия парадигмы, трактуемой как система форм слова (стр. 302), к неизменяемым словам (стр. 303). Система предполагает наличие определенной структуры, т. е. компонентов и отношений между ними. В «парадигме» (системе форм), состоящей из одной формы, нет ни того, ни другого.

Различая у глаголов и прилагательных суженную, расширенную и комплексную парадигмы (стр. 367—368), авторы, на наш взгляд, без достаточных оснований ограничивают суженную парадигму лишь синтетическими формами. Это структурное ограничение не соответствует функциональному признаку, который приписывается формам, относящимся к суженной парадигме, — выражать основные категориальные значения слова. Разве в этом отношении есть какое-либо различие между аналитическими формами будущего времени и синтетическими временными формами или между аналитическими формами сослагательного наклонения и синтетическими формами других наклонений?

Противоречива трактовка компаратива, инфинитива и деепричастия. Компаратив, или форма сравнительной степени, с одной стороны, определяется как форма прилагательного или наречия, образующаяся с помощью словоизменительных суффиксов (стр. 400), инфинитив и деепричастие — как формы глагола (стр. 417, 421), а с другой стороны, вопреки этому, все эти формы причисляются к морфологическому разряду неизменяемых слов (там же).

Авторы, на наш взгляд, смешивают два разных факта в морфологии. Один факт — отсутствие у морфологических форм компаратива, инфинитива и деепричастия некоторых (но не всех) морфологических категорий и, следовательно, их неизменяемость с точки зрения этих (и только этих) категорий. Другой же факт — принадлежность того или иного морфологического образования к разряду изменяемых или неизменяемых слов. Если данное образование является формой одного и того же слова по отношению к другим его формам, если это образование включено в словоизменение, то оно не может рассматриваться как неизменяемое слово (подлинно неизменяемые слова — это наречия типа *здесь* и т. п., предлоги, союзы, частицы, междометия).

Статус компаратива в Грамматике вообще неясен. В одном месте авторы называют компаративом сравнительную степень (стр. 306), а в другом пишут о том, что категорию компаратива образуют грамматические значения положительной и сравнительной степени (стр. 336). В «Синтаксисе» же компаратив нередко упоминается в одной связи с частями речи. Ср. такие заголовки, как «Примыкание наречия и компаратива к существительному, не мотивированному глаголом».

Из конкретных вопросов описания парадигматики остановимся лишь на одном. Авторы выделяют в первом субстантивном склонении, к которому относится подавляющее большинство существительных, три разновидности: мужское (*завод* и др.), женское (*карта* и др.) и среднее (*болото* и др.) (стр. 370—375). Такое распределение представляется неправильным. Указанные разновидности выступают в одной плоскости, на равных правах. В действительности же мужское и среднее склонения являются разновидностями одного типа, как это обычно и отмечается, поскольку они обнаруживают тождество падежных форм ед. числа во всех падежах, кроме им. и вин. падежей. Женское склонение на -а (-я), действи-

тельно представляющее собой самостоятельный тип, таким образом, несопоставимо с мужским и средним. Традиционное описание склонения, с нашей точки зрения, более точно отражает различия систем флексий, чем классификация склонения, предложенная в Грамматике.

В целом морфология в рецензируемой книге заняла весьма скромное место. Это отразилось и в объеме главы (занимающей в два раза меньше места, чем «Словообразование»). Самый предмет морфологии оказался суженным. Авторы почти полностью исключили из морфологии учение о функционировании грамматических категорий. Часть материала перешла в синтаксис, где этот материал получил специфическое освещение под особым углом зрения (время и наклонение — в связи с синтаксической парадигматикой, падеж — в связи с вопросом о подчинительных связях слов). Однако рассмотрение этих категорий с синтаксической точки зрения не восполнило потерь в «Морфологии». Так, описание значений падежей фактически в «Морфологии» не состоялось, а в «Синтаксисе» проблема падежных значений растворилась в описании подчинительных синтаксических связей. Значительная часть материала вообще никуда не вошла (в частности, полностью выпало из Грамматики учение о функционировании вида) или, не попав в «Синтаксис», получила в «Морфологии» весьма редуцированное, слишком беглое освещение (таковы, например, замечания о функционировании категорий лица и числа).

На наш взгляд, существенное основание имеет та точка зрения, согласно которой морфология как грамматическое учение о слове охватывает грамматические формы не только в системе языка, но и в процессе его функционирования, слово не только в статике, но и в динамике, в его жизнедеятельности. Функционирование грамматических категорий слов, естественно, осуществляется в предложении. Важно, однако, разграничивать, с одной стороны, принадлежность языковой единицы к определенному уровню языка, а с другой — ту среду, в которой функционирует данная единица. Оттого, что функции фонемы проявляются на уровнях морфемы и слова, она не становится единицей этих уровней. Оттого, что слово функционирует в предложении, оно не становится единицей уровня предложения. Далеко не все, что реализуется и функционирует в предложении, относится к уровню предложения и является предметом синтаксиса. Разумеется, синтаксис предложения находит свой предмет и в слове, в частности в его грамматических категориях, но лишь постольку, поскольку значения этих категорий и закономерности их функционирования существенны для структуры предложения. Например, употребление видов и времен глагола становится элементом учения о сложном предложении — но лишь с особой точки зрения, постольку, поскольку видо-временные отношения включаются в структуру предложения. Однако функционирование грамматических категорий слова отнюдь не исчерпывается той стороной, которая находится на службе синтаксиса. Специальный анализ с точки зрения структуры предложения, синтаксической парадигматики и т. д. не может заменить собою целостное описание функционирования грамматических категорий в их взаимодействии с контекстом. Значения грамматических (морфологических) категорий в процессе функционирования языка конкретизируются, актуализируются, реализуются в различных вариантах. Отрывать эти реализации, относя их описание к синтаксису, от категориального значения, отнесенного к морфологии, не представляется целесообразным.

По вопросу о границах морфологии и синтаксиса возможны разные мнения. В грамматической традиции представлены и морфология, включающая в себя учение о функционировании грамматических категорий, и

«синтаксис частей речи». Заметим, однако, что это особый синтаксис, отличающийся от синтаксиса предложения и словосочетания. Можно спорить о том, следует ли относить рассматриваемое учение к морфологии, к синтаксису частей речи или, может быть, к особой области исследования, изучающей функциональное взаимодействие грамматических элементов с элементами других сторон языка. Важно, однако, чтобы решение вопроса о границах разделов грамматического описания не приводило к утратам в той информации, которую должна нести Грамматика.

Доминирующими особенностями раздела, посвященного морфологии, представляются господствующая здесь изолированность «морфологического каркаса» от лексики, недостаточная системность, проявившаяся, в частности, в отсутствии анализа взаимосвязей грамматических категорий, общий сдвиг в формальную сторону при недостаточном, на наш взгляд, внимании к структуре морфологического выражения и содержания, редуцированность морфологии как раздела грамматики.

Синтаксису отведена треть общего объема работы, и это следует признать правильным. Синтаксическая теория излагается в трех частях: «Подчинительные связи слов и словосочетания» (стр. 486—540, автор — Н. Ю. Шведова), «Простое предложение» [стр. 541—651, тот же автор, кроме главы «Порядок слов в простом предложении (Система коммуникативных форм простого предложения)» и §§ 1408—1416, написанных И. И. Ковтуновой (на стр. 6 ошибочно указаны другие параграфы)] и «Сложное предложение» (стр. 652—740, автор — В. А. Белошапкова).

Принцип примата формы, постулированный в предисловии, распространен и на изложение синтаксической теории, особенно на формулы описания синтаксического строя русского языка. При рассмотрении словосочетания и простого предложения этот принцип проявился в том, что форма слова фактически становится центром описания.

Подчинительные связи слов трактуются как синтаксические возможности отдельных слов. Имеются в виду связи одноподчиненные, так как зависимая словоформа предопределяется категориальными свойствами главенствующего слова — его принадлежностью к определенной части речи, его частным грамматическим значением, а также его словообразовательным значением, принадлежностью к тому или иному семантическому классу.

Такое понимание подчинительных связей ставит в центр описания управление, особенно глагольное, а также примыкание, которое понимается расширенно. Кроме собственно примыкания (примыкания наречия, компаратива, деепричастия, неизменяемых прилагательных и инфинитива), сюда относится именное примыкание (примыкание падежных форм имени). Формальные связи описываются подробно, тогда как словосочетание и виды отношений (определятельные, объектные, субъектные и комплетивные) бегло. Вместо традиционного описания словосочетаний и семантической их классификации говорится о составе и образовании словосочетаний — простых, сложных, комбинированных.

Известно, что подчинительные связи внутри словосочетания и подчинительные связи внутри предложения не совпадают полностью. Авторы Грамматики в целях разграничения словосочетания и предложения на основе подчинительных связей называют те связи, которые возникают в предложении, аналогами подчинительных связей. Так, в словосочетании есть согласование, тогда как в предложении — формальное уподобление, координация форм подлежащего и сказуемого (стр. 548). Это утверждение базируется на четырех различиях, которые постулированы без достаточного анализа материала. Например, в таких двусоставных предложениях, как *Весна дружная, Он смелый, Решение — окончательное*, по мнению

авторов, наблюдается «взаимное уподобление форм слов, которые обе занимают места компонентов структурной схемы предложения, причем ни одна из них не является ни главенствующей, ни зависимой» (там же). Что обе формы слов имеют свою синтаксическую позицию — это верно. Но вряд ли соответствует фактам языка утверждение, что здесь нет формальной зависимости прилагательного. Если существительные *весна* и *решение* имеют лексико-грамматическую категорию рода, характерную для определяемых слов, то прилагательные *дружная* и *окончательное* имеют словоизменительную категорию рода, характерную для определяющих слов (см. стр. 315, 317, 334). «Категория рода у местоимений-существительных по своему значению не отличается от категории рода у существительных» (стр. 331), а потому категория рода местоимения *он* отличается от категории рода прилагательного *смелый*. Следовательно, предложение об отсутствии подчинения формы зависимого слова форме слова главенствующего вступает в противоречие с той характеристикой категории рода у разных частей речи, которая давалась раньше.

Вряд ли правильна интерпретация подчинительной связи только как детерминации, т. е. как предопределенности формы зависимого слова категориальными свойствами главенствующего слова. Относительная самостоятельность зависимого компонента проявляется даже при сильном глагольном управлении, что отмечается, впрочем, в соответствующем месте с характерным добавлением: «Вопрос о частотности, контекстуальной обусловленности и стилистических характеристиках варьирующихся форм здесь не рассматривается» (стр. 496). В отечественной литературе подчинительные связи слов, особенно управление, не раз рассматривались как односторонние и формальные. Поэтому нет ничего удивительного в том, что такая точка зрения представлена в рецензируемой работе. Следует отметить только, что заслуживают внимания исследования, в которых эти связи определяются как взаимозависимость, причем изучается роль лексического и грамматического значения зависимого компонента словосочетания, что никак не отразилось в анализируемой концепции.

Глава «Простое предложение» рассматривает вопросы, многие из которых изучались в исследованиях логико-грамматического направления и в работах по синтаксису частей речи. Однако рассмотрение и истолкование синтаксических явлений получило необычную форму благодаря тому, что в центре теории синтаксиса простого предложения оказалось учение об основе предложения и его распространении, о структурной схеме предложения и ее регулярных реализациях. Формально-структурный синтаксис, несомненно, обогатился оригинальной, хотя и не бесспорной концепцией.

Глава начинается с утверждения, что «основой и первичной функцией предложения является функция коммуникативная, т. е. функция сообщения, передачи информации о каком-то отрезке действительности» (стр. 541). В дальнейшем, однако, это положение не играет существенной роли. Более того, содержание предложения ограничивается от форм мышления и передаваемой информации, а сама предикативная единица замыкается в формах языка.

Форму предложения образует его структурная схема, понимаемая как отвлеченный образец. Помимо морфологической выраженности, структурные схемы предложения обладают еще двумя признаками: во-первых, они поддаются полному перечислению и описанию, образуя закрытый список, во-вторых, могут варьироваться, образуя систему форм структурной схемы (или парадигму предложения). Кроме того, структурные схемы предложения имеют регулярные реализации, не касающиеся выражения разных объективно-модальных значений (стр. 547).

Принципиально верной и перспективной, как уже отмечено, является трактовка грамматических единиц как билатеральных. Простое предложение с этой точки зрения определяется как единица, имеющая, с одной стороны, определенное формальное выражение — форму структурной схемы предложения (система форм образует парадигму), а с другой — грамматическое значение, под которым понимается категория предикативности. Вместе с тем в конкретной разработке проблемы предикативности и парадигматики предложения не все кажется убедительным. Содержание предикативности оказалось недостаточно связанным с основной функцией предложения — коммуникативной. Предикативность трактуется как выражаемое специальными грамматическими средствами нерасчленимое значение объективной модальности и синтаксического времени (стр. 542). Здесь не проведено необходимое, на наш взгляд, различие между общей функцией предикативности и ее частными проявлениями. Не представляется достаточно обоснованным исключение лица из числа компонентов предикативности.

Построение парадигм простого предложения фактически сводится к подключению к морфологическим формам наклонений и времен, рассматриваемым в составе предложения, других — неморфологических средств, при помощи которых структурная схема предложения выступает в разных модификациях с точки зрения значений времени и реальности/ирреальности, при этом структура предложения не остается неизменной, так что по существу перед нами не одна какая-то модель, изменяющаяся по определенной парадигме, а разные модели.

С точки зрения целеустановки сообщения предложения делятся на повествовательные (невопросительные) и вопросительные (стр. 545). Хотя побудительные предложения, безусловно, не лежат в той же плоскости, исключение их из проблематики членения предложений по целенаправленности (целеустановке) сообщения не представляется оправданным.

Введенные ограничения обуславливают неравномерность описания. Так, если выражение объективно-модальных значений описывается подробно, то субъективно-модальные значения, не выраженные средствами собственно структурной схемы и ее форм, рассматриваются бегло (стр. 611—614). С точки зрения принятой авторами теории это логично, но строгое отграничение собственно грамматического от всего того, что взаимодействует с грамматикой, приводит к определенным потерям с точки зрения полноты информации, полноты охвата материала.

Теоретические ограничения обеспечивают известную строгость описания простого предложения. Эта строгость достигается путем перечня парадигм и характеристики структурных схем. Структурные схемы простого предложения основаны на шахматовской концепции простого предложения, описанной в формулах словоформ и частей речи. Именно это последнее обстоятельство позволяет их исчислить.

Даны 14 схем двусоставных предложений: 7 схем предложений с формально неуподобленными главными членами, 4 схемы предложений с формально уподобленными главными членами и 3 фразеологизированные структурные схемы: *Вечер как вечер*; *Праздник не в праздник*; *Всем пирогам пироги!*; 28 схем односоставных предложений: 9 схем именного класса (в том числе 3 фразеологизированные), 8 схем инфинитивного класса, 5 схем спрягаемо-глагольного класса и 4 схемы наречного класса. К этому добавлены 11 схем вопросительных предложений: 8 с местоименным вопросительным словом (в том числе 5 фразеологизированных схем) и 3 без местоименного вопросительного слова. Итак, выявлена 51 структурная схема простого предложения (в том числе 11 фразеологизированных). Кроме того, отмечены 6 словоформ и сочетаний слов — вы-

сказываний, функционирующих в относительной независимой позиции.

Самая идея исчислить морфологизированные формулы простого предложения заслуживает внимания и может быть оценена положительно как один из подсобных аспектов изучения синтаксического строя русского языка. Однако и в этом случае необходимо сделать по крайней мере два замечания.

Языковая модель, в том числе структурная схема предложения, должна охватывать не только его парадигму и реализацию, но также продуктивность или непродуктивность предложений, построенных по данной схеме. Например, схема $N_1 - V$, оказывается более широкой по охвату материала, чем все другие структурные схемы; структурное варьирование и распространение данной схемы также чрезвычайно широко, а следовательно, велика емкость и глубина передаваемой информации. В один ряд попадают такие схемы, как обычная *Ученик пишет* и редкая *Эта машина — чтобы снег убирать*. Все эти различия оказались за пределами исследования. Схемы односоставных предложений более детализованы, чем схемы предложений двусоставных. Недостаточность качественной и отсутствие количественной характеристики выявленных схем простого предложения делает их описание неполным.

Выделение структурных схем не аргументируется; в ряде случаев обнаруживается отступление от единого принципа описания. Например, предложения *Труд — (это) талант*, *Экскурсия — (это) мое предложение* и *Дача — это большие расходы* рассматриваются как проявление трех структурных схем, отличающихся семантикой (отношение результирования, обусловленности). Предложения же *Отец учитель*, *День пасмурный* и *Военный ранен* понимаются как одна структурная схема, и тот факт, что в позиции сказуемого оказываются разные части речи и возникает отличие в отношениях между главными членами предложения, не принимается во внимание.

Кроме описания структурных схем и парадигм простого предложения, эта глава включает также рассмотрение порядка слов в простом предложении и распространение простого предложения. Термин «распространение простого предложения» объединяет такие явления, как функционирование словосочетаний в предложении; детерминирующие члены предложения; связи, возникающие в предложении; обособленные словоформы и группы.

Представляет несомненный интерес введение детерминантов (хотя само по себе деление второстепенных членов предложения на внешние и внутренние известно многим грамматическим концепциям). Если внешние члены предложения (дополнения и внешние обстоятельства) принадлежат позиционной схеме предложения и непосредственно связаны с главными членами предложения (в терминологии авторов — со структурной схемой предложения), то внутренние (секундарные) члены предложения (определения, внутренние дополнения и обстоятельства) непосредственно входят в словосочетания и через них в позиционную схему предложения.

Выделение детерминирующих членов предложения следует признать положительным моментом рецензируемой книги. Детерминанты описаны довольно последовательно: выявлены синтаксические признаки (общие для всех детерминантов и присущие лишь некоторым группам детерминантов), указаны две семантические группы (обстоятельственные детерминанты с разветвленной «системой значений» и объектно-субъектные детерминанты), отмечен факт распространения предложения группами детерминантов. И тем не менее это достижение современной теории получило в Грамматике такое отражение, которое повлекло за собой ряд нежелательных послед-

ствий. Пафос выделения детерминантов заслонил и редуцировал ряд других вопросов. Обособленные члены предложения описаны бегло и поверхностно, а внутренние члены предложения не нашли никакого освещения.

Предложенное описание простого предложения русского языка имеет ряд сильных сторон, которые заслуживают пристального внимания и специального изучения. В то же время это описание обнаруживает и свои слабые стороны. Ядром структурной схемы оказывается сказуемое-глагол, что ведет к морфологизованному пониманию синтаксической парадигмы. Термин «главные члены предложения» оказывается немотивированным, поскольку он лишается логического основания и противопоставленности «второстепенным членам предложения». Коммуникативный аспект ограничивается лишь исследованием парадигматической реализации схемы и семантического варьирования порядка элементов структурной схемы предложения, что, конечно, не отражает всех теоретических поисков и исследовательских работ по семантическому и коммуникативному синтаксису, которые были осуществлены в последние годы.

Описание сложного предложения не порывает с той традицией, которая была создана Грамматикой 1954 г. и работами Н. С. Поспелова, хотя и внесены уточнения и изменения с учетом новых исследований и в целях координации с предложенной моделью описания, особенно с первыми частями раздела «Синтаксис».

Не анализируются сложные предложения усложненного типа, поскольку считается, что в них «представлены те же структурные схемы, какие существуют в минимальных конструкциях сложных предложений, но в комбинациях друг с другом» (стр. 654). Синтаксическая проблематика, связанная с изучением сверхфразовых единств монологического и диалогического типа, а также конструкций с прямой речью, не рассматривается.

Сложное предложение описывается как статическое образование, представляющее единство структурной схемы и значения. Синтаксические и смысловые отношения между компонентами (частями) сложного предложения — «той же природы, что и отношения между словоформами, соединяющимися в составе словосочетаний или в составе открытых или закрытых рядов словоформ в простом предложении, но имеют иную систему средств выражения, лишь частично совпадающую с системой средств выражения отношений между словоформами» (стр. 653).

Структурная схема описывается, однако, не столь морфологизованными формулами; символика не используется. Структурная схема сложного предложения включает четыре вида характеристик: 1) потенциальный количественный состав компонентов (открытость/закрытость структуры); 2) синтаксическая связь между компонентами и средства ее выражения; 3) расположение компонентов относительно друг друга; 4) особенности семантического наполнения, строения и лексического состава сложного предложения.

Сложные предложения по синтаксической связи между их частями делятся на три типа: сложносочиненные, сложноподчиненные и бессоюзные, в которых «синтаксические и смысловые отношения между частями формально не выражены» (стр. 655). Внутри каждого типа применяется оппозиционная классификация.

Сложносочиненные предложения делятся на предложения открытой и предложения закрытой структуры; особо выделяются градационные и пояснительные предложения. Сложноподчиненные предложения делятся на предложения нерасчлененного типа (местоименно-соотносительные и присловные) и предложения расчлененного типа (вводится новый термин — детерминативные). Бессоюзные предложения подразделяются на пред-

ложения типизированной структуры и предложения нетипизированной структуры. Дальнейшее описание ведется по средствам связи и смысловым отношениям, как это приято в большинстве синтаксических исследований.

В пределах заданной классификации описание ведется детально и тонко; имеется ряд новых наблюдений, принадлежащих лично автору данного раздела или взятых из последних работ. Хотя сама классификация по своему плоскостному характеру и формальности основного принципа деления связана со многими ограничениями, эта классификация вполне естественна как одна из широко известных в научной литературе. Рассматривать недостатки и промахи частного характера здесь нет необходимости и возможности.

В данной статье было уделено много внимания критическим замечаниям. Это не означает, однако, односторонне критического отношения ко всему труду. Напротив, нужно еще раз подчеркнуть, что в Грамматике есть много полезного и ценного. Разделы «Словообразование» и «Сложное предложение» продолжают и развивают лучшие традиции отечественного языкознания. По-новому написаны главы об ударении и альтернатиях, ряд глав раздела «Простое предложение».

Постановка в этой книге ряда актуальных проблем современной теоретической грамматики, безусловно, окажет влияние на развитие грамматической мысли. Очевидна необходимость дальнейших поисков в данном направлении. Вместе с тем представляется очевидной актуальность задач построения грамматик иного типа: функциональной, логической, порождающей.
